

Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х годов

© 2016

М.С. Феденева

На основе архивных материалов и других данных, раскрывается понятие «нового ревизионизма» относительно северокорейских реалий начала 1960-х годов, место и роль этого явления в советско-северокорейских отношениях. Описываются формы борьбы с «новым ревизионизмом» в КНДР и ее последствия для обеих сторон.

Ключевые слова: новый ревизионизм, современный ревизионизм, КНДР, СССР, советско-северокорейские отношения.

После распада Советского Союза начали постепенно рассекретиваться все новые архивные данные, и стало возможным изучение не только позитивных тенденций и явлений в советско-северокорейских отношениях, но и разногласий, существовавших между СССР и КНДР. Как позитивный опыт, так и ошибки, допущенные странами по отношению друг к другу, могут быть учтены при построении добрососедских отношений между двумя государствами. В связи с этим изучение конструкта «нового ревизионизма», появившегося в начале 1960-х годов в идеологическом пространстве КНДР и влияния этого явления на поведение Северной Кореи в отношении СССР представляется полезным и актуальным.

Первая половина 1960-х годов была весьма сложным периодом в советско-северокорейских отношениях. Между СССР и КНДР возникали противоречия по вопросам внешней и внутренней политики, экономики¹. Охлаждение отношений намечалось уже с середины 1950-х годов, однако в начале 1960-х оно вступило в новую фазу резкого отхода КНДР от СССР. Разумеется, для того, чтобы порвать с СССР, необходим был достаточно весомый повод и им мог стать так называемый «новый» или «современный ревизионизм». Категория уже использовавшаяся в Китае, однако приспособленная к корейским реалиям.

Обвинения в ревизионизме со стороны КНДР в адрес СССР отмечали в своих работах зарубежные исследователи. Ли Чон Сик показал, что отдельные упоминания о ревизионизме и его косвенная критика в КНДР имели место с конца 1950-х годов². Ли Чон Сик отмечает влияние китайского фактора на развитие идеологической категории «нового ревизионизма» в КНДР. С ним солидарен и Чин О Чанг. Исследователи доказательно утверждают, что носителями ревизионистских идей, по мнению северокорейских

Феденева Марина Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток). E-mail: kolesilka@mail.ru.

Исследование выполнено при поддержке Государственного задания «Процессы межкультурной коммуникации в АТР: междисциплинарный подход».

лидеров, были Советский Союз и солидарные с ним страны социалистического лагеря, а критиковался так называемый «ревизионизм» главным образом по вопросам внешнеполитических позиций³. Балаз Шалонтай видел основную болезненную для КНДР позицию ревизионистов в приверженности мирному сосуществованию⁴. Все авторы упоминают о критике в КНДР «нового ревизионизма» в контексте отхода КНДР от просоветских позиций и сближения с Китаем в период конфронтации СССР и КНР.

Термин «новый ревизионизм», или «современный ревизионизм», используется в контексте данной работы как условное название взглядов и стратегий в идеологии, внешней и внутренней политике СССР и ряда других социалистических стран, которые, по мнению руководства КНДР, не соответствовали основным положениям марксистско-ленинского учения. Поскольку КНДР позиционировала себя как истинное социалистическое государство, подобные идеи рассматривались в КНДР как враждебные и подлежащие искоренению. Таким образом, в КНДР была начата борьба с тем, что подпадало (или подводилось) под категорию «ревизионизма» и с теми, кого считали носителями ревизионистских идей.

Хотя «новый ревизионизм» и борьба с ним была лишь поводом ограничить советское влияние на КНДР, само это явление представляет интерес как с точки зрения внутренней политики и идеологической пропаганды КНДР, так и с точки зрения советско-северокорейских отношений.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания «ревизионизма», для лучшего понимания этого явления необходимо отметить несколько важных деталей.

Во-первых, «новый ревизионизм» не был четко выверенной идеологической концепцией, а являлся неким конструктом «врага», которому в зависимости от ситуации могли приписываться различные характеристики. В начале 1960-х годов в самом корейском истеблишменте не существовало четкого понимания того, что такое «ревизионизм», в чем его сущность. Сам Ким Ир Сен говорил, что необходимо разобраться с пониманием его (ревизионизма) сущности⁵, что борьбу с ревизионизмом должны вести не только отдел пропаганды и агитации ЦК ТПК, но и другие его отделы⁶ и, наконец, что опасность ревизионизма необходимо довести до осознания всеми трудящимися, чтобы «мобилизовать народ на борьбу с ним»⁷. Таким образом, основные идеологические выкладки и аргументы против «современного ревизионизма» разрабатывались в отделе агитации и пропаганды ЦК ТПК, затем разъяснялись партийным работникам всех уровней, которые внедряли свои знания в массы.

Во-вторых, в северокорейской пропаганде носители ревизионистских идей, как правило, обезличивались. Часто употреблялись выражения: «современный ревизионизм», «новый ревизионизм», «ревизионисты», «некоторые», «эти люди» и т.д. Однако не остается сомнений в том, что носителем ревизионистских идей считались СССР и европейские страны социалистического лагеря, что отмечали сотрудники посольств в Пхеньяне⁸. Это вытекает и из самих характеристик, и атрибутов «нового ревизионизма», которыми он наделялся. Кроме того, нередко в адрес Советского Союза звучала критика по тем же пунктам, по которым критиковался «ревизионизм», тем самым «ревизионизм» и Советский Союз ставились в один ряд.

В-третьих, на внедрение идей о «современном ревизионизме» в КНДР неоспоримым можно считать влияние Китая. Дипломаты Советского Союза и европейских социалистических стран не раз отмечали значительное усиление влияния Китая на Северную Корею⁹. КНДР и КНР демонстрировали единство своих взглядов в области идеологии, внешней политики, а также выражали единство в вопросе борьбы с «современным ревизионизмом»¹⁰.

Итак, каким содержанием правящие круги КНДР наполняли «новый ревизионизм»?

Во-первых, «новый ревизионизм» распознавался по приверженности идеям мирного сосуществования и, как следствие, отказу от дальнейшей революционной борь-

бы¹¹. В одной из партийных брошюр, изданной в апреле 1962 г. в Пхеньяне, говорится: «Ревизионисты изображают нашу эпоху мирной эпохой, эпохой мирного сотрудничества двух систем... становятся на колени перед врагом и вымаливают мир»¹². Позже подобное разоблачение «ревизионизма» проводилось не только среди партийных работников, но и в общедоступной периодической печати. Например, в статье Цой Гон Хена «Эпоха великой борьбы, эпоха революционных бурь», опубликованной в первом номере журнала «Чхоллима» за 1964 г., автор пишет: «Они дрожат перед революционными бурями, отказываются от революции. Они сходят с позиции защиты марксизма-ленинизма, с позиции борьбы против империализма, с позиции доведения до конца революции, порывают с марксизмом-ленинизмом, подчиняются империализму и считают революцию завершённой»¹³.

Заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ен Нам в разговоре с послом ГДР в ноябре 1964 г. говорил: «По-настоящему, острие против острия, борются с империализмом только Азия и Африка. Европейские социалистические страны как СССР, ЧССР, ГДР и другие более болтают о борьбе с империализмом, занимаются уговорами глав империалистических государств»¹⁴.

Ревизионисты обвинялись в отказе активно поддерживать страны, в которых существует национально-освободительное движение. Поскольку южная часть полуострова считалась оккупированной, то отказ от поддержки национально-освободительного движения применительно к корейским реалиям означал бы отказ от попыток освободить юг, а значит и объединить Корею. Северокорейская позиция открыто противопоставлялась «ревизионистской». «Корейские коммунисты не прекратят ни на минуту борьбу и будут продолжать сражаться до того дня, пока не завершится революция в масштабе всей страны, до того дня, пока не будут освобождены угнетенные народы всего мира», — указывалось, например, в третьем номере журнала «Кыллочжа» за 1962 г.¹⁵

Во-вторых, руководство КНДР расценивало как «ревизионистские» все инициативы по разоружению¹⁶. «Всеобщее и полное разоружение — это неправильная точка зрения, вытекающая из иллюзий относительно империализма... Нет учения о том, что империализм добровольно складывает оружие», — говорилось в закрытой лекции для партработников ТПК в мае 1962 г.¹⁷

В-третьих, «ревизионизм» обвинялся в отказе от классового принципа и в пересмотре тезиса о диктатуре пролетариата, которые считались важнейшими доктринами марксистско-ленинского учения. «Пытаясь парализовать классовое сознание масс, современные ревизионисты отрицают классовую борьбу и диктатуру пролетариата, проповедуют классовое сотрудничество и буржуазный либерализм...», — говорил Ким Ир Сен¹⁸. Поводом к таким обвинениям, по мнению автора, послужили положения, изложенные в программе КПСС 1961 г. А именно о том, что «диктатура пролетариата выполнила свою историческую роль» и о том, что государство стало общенародным¹⁹.

В-четвертых, «ревизионистам» приписывалось стремление установить принцип централизма внутри социалистического лагеря. «Ревизионисты» обвинялись в пересмотре принципа равенства, вмешательстве во внутренние дела братских партий. Ким Ир Сен заявлял: «Мы должны быть готовы к тому, что ревизионисты с разных сторон будут оказывать на нас давление»²⁰. В газете «Нодон Синмун» от 27 июля 1964 г. отмечалось: «Некоторые пытаются оказать давление и наносят вред партиям, которые им не подчиняются. Мы уже имеем печальный опыт горьких испытаний из-за подобных действий этих людей», имея в виду политический кризис в КНДР 1956 г.²¹ В газете «Нодон Синмун» от 28 октября 1963 г. писали: «Нельзя допустить попытку навязать другим партиям так называемую компанию “против культа личности” и под ее вывеской вмешиваться во внутренние дела братских партий и братских стран, и совершать действия, направленные на свержение партийного руководства этих стран»²². Из уст высокопоставленных чиновников звучали и прямые обвинения в адрес Советского Союза. Так, в ноябре 1964 г. состоя-

лась беседа посла ГДР в КНДР Бри с министром иностранных дел КНДР Пак Сен Чер, о которой Бри информировал посла В.П. Московского: «Пак Сен Чер все время подчеркивал, что советские руководители вмешивались во внутренние дела КНДР. Затем министр иностранных дел поучал, что Советского Союза надо опасаться, так как у советских руководителей есть привычка вмешиваться в дела других государств и партий»²³.

«Ревизионизму» также приписывалось стремление установить контроль над другими странами с помощью экономических механизмов. Это положение комментируется в ежемесячной брошюре для политических занятий «Чхончхи чисик» № 1 за 1964 г. под заголовком «Что говорит марксизм-ленинизм о принципе возрождения на основе собственных сил и самостоятельной национальной экономики»: «Современные ревизионисты клеветают на страны, строящие самостийную национальную экономику, приклеивая им ярлык “национализма” и “изолированной экономики”. Это направлено на то, чтобы попортить принцип равноправия и самостоятельности между социалистическими странами, экономически закабалить эти страны, уничтожить их политическую самостоятельность»²⁴. Одним из инструментов закабаления экономически менее развитых стран социалистического лагеря в КНДР считали Союз экономической взаимопомощи (СЭВ)²⁵. «Заявив, что Албания должна выращивать яблоки и виноград, а остальное ей дадут, задушили национальную экономику Албании», — говорилось в одной из закрытых лекций ЦК ТПК г. для преподавателей в декабре 1962 г.²⁶

В Северной Корее полагали, что страны социалистического лагеря попросту «разграбляют КНДР», вывозят драгоценные металлы и полезные ископаемые, устанавливают спекулятивные цены на товары²⁷.

Наконец, в тесной связи с «ревизионизмом» было представлено положение о «западном веянии». «Ревизионизм и западное веяние — двоюродные братья», — говорил Ким Ир Сен²⁸. Под ярлык «западного веяния» подпадали кино, музыка, произведения искусства и стиль жизни граждан СССР и других стран соцлагеря в целом. По мнению северокорейского руководства, «западное веяние» разлагающим образом действовало на население (особенно молодежь), убивая в нем революционный дух. Именно эта причина привела к отзыву корейских студентов из всех социалистических стран, кроме Китая и Албании. Сам министр высшего образования КНДР Ким Чон Хи в августе 1962 г., касаясь отзыва студентов из СССР и стран Восточной Европы, говорил, что они там «ухаживают за девушками, увлекаются американской джазовой музыкой, отрицают свое национальное искусство, попадают под влияние буржуазной идеологии, неправильно воспринимают марксизм-ленинизм, не хотят ехать на Родину, так как у нас еще много трудностей и жизнь тяжелее, чем в европейских странах»²⁹.

Борьба с «ревизионизмом» берет свое начало с мартовского Пленума ЦК ТПК 1962 г., на котором Ким Ир Сен дал установку «настоячиво проводить во всех звеньях партии идеологическую работу против ревизионизма»³⁰ (эта заключительная речь Ким Ира Сена не была опубликована). Почему же почти открытое противостояние СССР в виде борьбы с «ревизионизмом» стало возможно после 1961 г., несмотря на то, что многие из противоречий сложились между СССР и КНДР еще раньше?

Во-первых, дистанцированию КНДР от СССР способствовал нараставший кризис советско-китайских отношений. В лице Китая в Северной Корее видели альтернативу Советскому Союзу. Вся компания по борьбе с «новым ревизионизмом» во многом ориентировалась на китайский пример. Во-вторых, к началу 1960-х годов в целом завершилась борьба с политическими противниками внутри КНДР, ознаменовавшаяся фактической победой Ким Ира Сена и его соратников. В-третьих, уверенность правящим кругам КНДР придавали как значительные успехи в восстановлении народного хозяйства, так и позитивные на тот момент тенденции в экономике³¹. Наконец, в 1961 г. КНДР подписала договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР и КНР, что обеспечивало ей гарантии безопасности в случае конфликтов с Югом.

Как уже было упомянуто, компания по борьбе с «ревизионизмом» развернулась в первую очередь среди партийных работников. С целью разоблачения «ревизионизма» для партработников и служащих проводились специальные лекции, издавались брошюры и справочники по теоретическим вопросам и отдельным проблемам мировой политики. Примерами таких изданий могут служить закрытая брошюра Центрального телеграфного агентства Кореи для внутрипартийного пользования «Изучение международного положения» (№ 17, 1964 г.), Справочник материалов для лекторов учебных групп кадровых работников (Пхеньян: Изд-во ЦК ТПК, 1962 г.)³².

Партийные работники КНДР были лишены возможности получать иную информацию кроме той, что предоставлялась им руководством, поскольку контакты с СССР по партийной линии были прекращены³³. В ответном письме на предложение советской стороны о встрече партийных лидеров в 1962 г. было сказано следующее: «Мы не считаем, что в настоящее время имеются такие насущные вопросы, которые требовали бы нового обсуждения на встречах представителей наших партий»³⁴.

Разоблачение «ревизионизма» и отдельных его положений развернулось и в общедоступной прессе, в основном в газете «Нодон синмун», в журналах «Кыллочжа» и «Чхолима». Кроме того, в свободной продаже были китайские журналы, содержавшие критику «современного ревизионизма». Тираж одного только журнала «Хунци» увеличился с 1961 г. по 1963 г. более чем в два раза. Напротив, советские газеты и журналы изымались из свободного обращения. Заказ советских газет уменьшился с 20 048 годовых комплектов в 1959 г. до 2615 — в 1963 г.³⁵ Этих комплектов хватало только на партийные и государственные учреждения и крупные библиотеки, в которых, кстати, не всегда свободно можно было получить экземпляры советских газет. Еще в 1962 г. преподаватель Хамхынского химического института Ким Бен Сен рассказал сотрудникам посольства, что в библиотеке института студентам не выдают «Правду». Чтение советских газет разрешено только преподавательскому составу с разрешения парткома³⁶.

Кроме того, любые попытки представителей СССР каким-либо образом повлиять на мнение населения, донести свой взгляд на некоторые идеологические и внешнеполитические положения пресекались корейской стороной. Советских представителей стали ограничивать в поездках по стране, выступлениях на мероприятиях и общении с корейскими гражданами. Из докладных записок сотрудников советского посольства известно, что каждый раз при организации бесед с корейскими гражданами МИД КНДР требовал от сотрудников посольства предоставлять развернутый план беседы. Только за первый квартал 1963 г. по разным причинам отклонено 9 запросов сотрудников посольства СССР в КНДР об организации бесед в корейских ведомствах и учреждениях. Организация командировок затягивалась обычно на 3–4 недели, а иногда и на 2–3 месяца. Немногочисленные речи советских дипломатов если и публиковались, то в сокращении и со значительной правкой текста³⁷.

В рамках борьбы с «ревизионизмом» и «западным веянием» были ограничены культурные и образовательные связи. Из СССР были отозваны студенты и аспиранты, радио прекратило вещание советских программ, советское кино закупалось в минимальном количестве (в 1962 г. по сравнению с 1959 г. объем закупок сократился в 10 раз — с 60 лент до 6), практически не осуществлялся обмен делегациями и творческими коллективами³⁸.

Еще одним методом борьбы стала работа КНДР с советскими гражданами и их семьями, проживающими в КНДР. Подобная «разъяснительная» работа велась как на территории КНДР, так и на территории СССР. Например, сотрудники Генконсульства КНДР в г. Находке «нарушали существующие закрытые районы и распространяли среди советских граждан материалы недружественного характера»³⁹. На территории КНДР за советскими гражданами нередко устанавливались слежки, велся контроль за посещением ими Посольства СССР. После посещения СССР во время отпуска, советским гражда-

нам, проживавшим и работавшим в КНДР, отказывали в прежней работе. По имевшимся у посольства сведениям, власти КНДР начали кампанию против русских женщин, состоявших в браке с корейцами. «Партийные органы систематически оказывают нажим на мужей этих женщин, давая недвусмысленно понять, что их браки являются «грубой политической ошибкой», ведут дело к расторжению брака»⁴⁰. В случае отказа от разрыва семейных отношений и перехода супруги в корейское гражданство, такие семьи переселяли в отдаленные районы; по сведению посольства в 1963 г. около 70% мужей советских женщин из Пхеньяна были направлены в провинцию⁴¹. Кроме становившихся частыми случаев избиения жен — гражданок СССР мужьями, состоящими в корейском гражданстве, изгнания их из дома, трагических разрывов семейных отношений, известен случай избиения советской гражданки представителем власти КНДР. Также предпринимались попытки уговорить советских граждан не возвращаться в СССР, используя такие аргументы, что в Советском Союзе голод, рецидив капитализма, и что ситуация будет только ухудшаться⁴².

Борьба с современным «ревизионизмом» велась и на международной арене. Выражалось это главным образом в поддержке политических оппонентов СССР — Албании и Китая. Например, в разгар советско-албанского конфликта в ноябре 1961 г. КНДР направила Албании достаточно теплое послание, приуроченное к семнадцатой годовщине независимости, преисполненное заверениями в дружбе и дальнейшем развитии отношений⁴³.

Во время индо-китайского конфликта КНДР открыто в печати критиковала Индию, а на закрытых лекциях для партийных работников высокопоставленные лица даже позволяли критику в адрес СССР. Так, на одной из закрытых лекций в ноябре 1962 г. председатель ЦК ТПК Ким Чан Ман говорил: «СССР должен был поддержать КНР, а получилось наоборот — СССР отозвал из Китая специалистов, прекратил поставки оборудования для строящихся заводов, а в Индии строит 36 предприятий; предоставил ей помощь на 970 миллиардов долларов»⁴⁴. В целом, в КНДР считали, что «дуэт клики Хрущева и индийских реакционеров» ведет неприкрытую «антикитайскую» деятельность⁴⁵. Вслед за Китаем КНДР заняла достаточно жесткую позицию в оценке Карибского кризиса, считая действия СССР капитулянтством и предательством⁴⁶.

Кроме того, определенную пропагандистскую работу КНДР вела в рамках так называемой идеи афро-азиатской солидарности, активно продвигаемой Китаем. В аналитической справке Первого дальневосточного отдела МИД СССР сообщалось, что корейские товарищи использовали Организацию солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки и ее журнал «Триконтиненталь» «для пропаганды своих особых взглядов по тем вопросам, по которым у них имеются разногласия с другими социалистическими странами и с международным коммунистическим движением»⁴⁷.

Кампания по борьбе с «ревизионизмом» была попыткой дискредитировать Советский Союз в глазах собственной партии, государственного аппарата и граждан для того, чтобы найти повод и обоснование того, что Корея строит и проводит независимый от СССР курс.

Формирование концепта «нового ревизионизма», а также кампания по борьбе с ним, имели ряд крайне негативных последствий. Что касается КНДР, то в первую очередь пострадала ее экономика. По инициативе корейской стороны были ограничены экономические связи, остановлено несколько экономических проектов. Без кадровой, научно-технической и экономической помощи СССР не могли нормально функционировать ряд предприятий КНДР, не удавалось собственными силами восполнить потребности в сырье для некоторых сфер производства⁴⁸. Не принесли пользы дискуссии о «ревизионизме» и остальному социалистическому лагерю, поскольку демонстрировали наличие внутренних противоречий между социалистическими странами. Разговоры о «ревизионизме» ставили под сомнение единство и сплоченность социалистического лагеря. Кро-

ме того, в этот период между СССР и КНДР был нарушен механизм взаимных консультаций по партийной и государственной линии (за исключением, пожалуй, консультаций по обсуждению корейского вопроса в ООН).

Особенно серьезным последствием стала утрата доверия КНДР к СССР. «Хоть мы и заключили военный союз с СССР, но сейчас мы не можем верить в него... Поэтому самое надежное — это возрождение на основе собственных сил», — учили партработников на закрытых лекциях⁴⁹.

Также в процессе устранения советского влияния на КНДР в первой половине 1960-х годов начался новый этап формирования северокорейской идентичности. Теперь эта идентичность строилась на противопоставлении себя не только капиталистическому миру, но и европейским членам социалистического лагеря, включая СССР. Эта идентичность основывалась на солидарности со странами, преимущественно азиатскими и африканскими — небольшими, слабыми экономически и политически, среди которых КНДР могла ощутить себя полноценным, полноправным, независимым государством. Даже после относительной нормализации отношений с СССР подобная позиция проявилась в достаточно активном участии КНДР в Движении неприсоединения.

Можно заключить, что конструкт «нового ревизионизма» был попыткой обвинить Советский Союз в пересмотре некоторых положений марксизма-ленинизма. Различные идеологические, политические, экономические и культурные разногласия получали теоретическое обоснование, наполнялись пропагандистским содержанием. Образ врага в виде «современного ревизионизма» стал политическим инструментом, а борьба за идеологическую чистоту — консолидирующим фактором внутри партии. «Угроза нового ревизионизма» послужила поводом для того, чтобы устранить влияние СССР и некоторых других социалистических стран на внешнюю, внутреннюю и экономическую политику КНДР, а также попытаться найти свое, относительно независимое место в мире.

1. *Ткаченко В.П.* Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература, 2000. С. 8; *Сен Се Ра.* Политическая борьба в КНДР в 1953–1956 гг.: причины и динамика // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 121.
2. *Scalapino R., Lee Chong-sik.* Communism in Korea. Berkley: University of California Press, 1972. P. 142.
3. *Chin O. Chong.* Pyongyang between Peking and Moscow: North Korea's involvement in the Sino-Soviet dispute, 1958–1975. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1978. P. 51, 53, 72–75; *Scalapino R., Lee Chong-sik.* Communism in Korea. P. 143–144.
4. *Szalontai Balazs.* Kim Il Sung in the Khrushchev era: Soviet-DPRK relations and the roots of North Korean despotism, 1953–1964. Washington DC: Woodrow Wilson Center Press, 2005. P. 184–185.
5. *Ким Ир Сен.* О некоторых задачах партийной и хозяйственной работы // Сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984. С. 13.
6. Там же. С. 23.
7. *Ким Ир Сен.* Об укреплении методов и стиля работы партийных кадров // Сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984. С. 422.
8. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 18.
9. Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. Report. MOL, XIX-J-1-j Korea, 8. doboz, 5/f, 0029/RT/1960. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=16E036D0-D6AA-4D40-C92613EBD41AAAA6&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013); A record of the conversation between the Czech Ambassador in the DPRK with the Soviet ambassador, C. Puzanov. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=D8516BF9-E70D-857A-36E53C6E7EEBA25&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013); АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 25.

10. *Chin O. Chong*. P. 81–83.
11. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 37, 38.
12. Там же. Л. 35.
13. *Цой Гон Хен*. Эпоха великой борьбы, эпоха революционных бурь // Чхольима. 1964. № 1. (Цит. по: АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 106.)
14. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 171.
15. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 42–43.
16. *Ким Ир Сен*. Об укреплении организационной и идеологической работы партии // Избранные сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. Т. 3. С. 348.
17. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 45.
18. *Ким Ир Сен*. Наша народная армия — армия рабочего класса, армия революции. Непрерывно усиливать классовую политико-воспитательную работу // Сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984. Т. 17. С. 77; Кыллочжа. 1963. № 2. (Цит. по: АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 68).
19. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. С. 100–102.
20. *Ким Ир Сен*. Об укреплении организационной и идеологической работы партии. С. 350.
21. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 27.
22. Там же.
23. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 170.
24. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 105.
25. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11. Л. 34.
26. Там же. Л. 55.
27. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 115–116; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11. Л. 34; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 70; Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. Report. MOL, XIX-J-1-j Korea, 5.doboz,5/bc,004558/RT/1964. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=3A616E1FF724FC1FB218FB1DBA0747DC&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013).
28. *Ким Ир Сен*. Об укреплении организационной и идеологической работы партии. С. 352.
29. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11. Л. 30.
30. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 77.
31. *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год: кризис в Северной Корее. М.: РОСПЭН, 2009. С. 269.
32. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 170; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 122.
33. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 65.
34. Там же.
35. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 23, 24.
36. Там же. Л. 35.
37. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11, Л. 36, 37; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 11–12.
38. *Szalatnai Balazs*. Op. cit. P. 181, 185.
39. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 62.
40. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 82–84.
41. Там же.
42. Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. Report. MOL, XIX-J-1-j Korea, 5.doboz,5/bc,004558/RT/1964. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=3A616E1FF724FC1FB218FB1DBA0747DC&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013).
43. *Chin O. Chong*. Op. cit. P. 66.
44. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 47.
45. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 122.
46. *Chin O. Chong*. Op. cit. P. 75–76.
47. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 26. П. 119. Д. 2. Л. 15, 16.
48. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 84, 85.
49. Там же. Л. 42.